

Смолин С.В.

Адъюнкт, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА

Аннотация

Автором статьи проведен анализ содержания квалифицирующих признаков заведомо ложного доноса. На его основе предложены решения проблемных вопросов квалификации преступления, а также дополнения в действующую редакцию ст. 306 УК РФ.

Ключевые слова: заведомо ложный донос, квалифицирующие признаки, ложная информация, доказательства обвинения, источники доказательств.

Keywords: obviously false denunciation, qualifying signs, false information, charge proofs, sources of proofs.

Уголовный кодекс РФ предусматривает два квалифицирующих признака заведомо ложного доноса: донос, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч.2 ст.306 УК РФ), и донос, соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения (ч.3 ст. 306 УК РФ). Оба данных признака относятся к объективной стороне состава преступления.

Как показывает практика, самым распространенным отягчающим обстоятельством заведомо ложного доноса является соединение его с обвинением лица в тяжком или особо тяжком преступлении. Для наличия данного квалифицирующего признака необходимо, чтобы заведомо ложное сообщение о преступлении содержало указание на конкретное лицо, якобы его совершившее. В остальном юридическая оценка квалифицирующего признака, предусмотренного ч.2 ст. 306 УК РФ, сложностей не вызывает, так как категории тяжких и особо тяжких преступлений предусмотрены соответственно ч.4 и ч.5 ст. 15 УК РФ и толкования не требуют. Выделение данного квалифицирующего признака и дифференциация ответственности за заведомо ложный донос в зависимости от тяжести преступления, указанной доносителем, и от обвинения конкретного лица совершенно обоснованны. Ведь донос, содержащий обвинение конкретного лица, всегда посягает на дополнительный объект преступления – права и интересы личности. Кроме того в связи с тем, что по делам о тяжких или особо тяжких преступлениях всегда производится предварительное следствие, доносы такого рода всегда отвлекают больше сил и средств правоохранительных органов для их проверки.

При анализе особо квалифицирующего признака заведомо ложного доноса (ч.3 ст.306 УК РФ) возникает ряд проблемных вопросов, так как понятие искусственного создания доказательств обвинения не раскрыто в правовой норме.

По мнению В. Новикова и К.В. Цепелева, квалифицирующий признак, предусмотренный ч.3 ст. 306 УК РФ, характеризует способ совершения преступления [1,47;2,18]. На наш взгляд, отнесение искусственного создания доказательств обвинения к способу совершения преступления не совсем верно. Ведь способ как факультативный признак объективной стороны преступления – это конкретные приемы и методы, применяемые при совершении преступного посягательства. При искусственном создании доказательств обвинения виновный помимо непосредственно преступного посягательства – заведомо ложного сообщения о преступлении (которое может совершаться разными способами: устно, письменно, посредством использования факсимильной связи и т.д.) – совершает *другие дополнительные* (курсив наш – С.С.) действия для придания правдоподобности сообщаемой ложной информации. Таким образом, эти действия не

являются способом заведомо ложного доноса, а являются одним из элементов самого общественно – опасного деяния.

Необходимо отметить, что заведомо ложный донос, сопровождающийся искусственным созданием доказательств обвинения, существенно повышает степень общественной опасности посягательства, так как он затрагивает процессуальные отношения, обеспечивающие получение достоверных доказательств по уголовному делу, и может повлечь за собой принятие необоснованных процессуальных решений, наиболее остро затрагивающих права и интересы граждан. При этом вопрос об искусственном создании доказательств обвинения освящен в научной литературе недостаточно подробно. Ранее В.В. Векленко и Л.В. Лобановой проводились специальные исследования, посвященные проблеме привлечения к уголовной ответственности за активные физические действия, направленные на введение органов расследования в заблуждение, но анализируемый нами квалифицирующий признак заведомо ложного доноса не был подробно рассмотрен в данных работах [3,45;4]. В других источниках, посвященных заведомо ложному доносу, при анализе ч.3 ст. 306 УК РФ указывается на имитацию доносчиком доказательственных фактов, отсутствие причинной связи между искусственно созданными доказательствами и реальными событиями, при этом четкого определения и признаков искусственного создания доказательств обвинения не приводится [5,185;6, 150].

Попытаемся рассмотреть существенные признаки искусственного создания доказательств обвинения, практику применения ч.3 ст. 306 УК РФ и на их основе дать определение данным общественно-опасным действиям.

Во-первых, искусственное создание доказательств обвинения включает в себя только активные физические действия, заключающиеся в изменении объектов материального мира. Преступник должен не просто предоставить фиктивные доказательства, а должен создать их сам, либо осознавать, что они специально созданы для подтверждения заведомо ложного доноса. В связи с этим нуждается в уточнении позиция А.В. Дворянкова, который относит к преступлению, предусмотренному ч.3 ст. 306 УК РФ, не только собственно создание доказательств, но и их представление в правоохранительные органы [7, 236]. Здесь наиболее правильной является точка зрения М.Х. Хабибуллина, который отметил, что для наличия признаков преступления, предусмотренного ч.3 ст. 306 УК РФ, *«требуется не просто ссылка на какие-либо объективно существующие обстоятельства, а искусственное создание этих обстоятельств»* (курсив автора – С.С.)» [8,78]. Правильность данной позиции подтверждена и судебной практикой. Так, Лысьвенский городской суд Пермского края, рассматривая дело в отношении Тимкина, обвиняемого по ч.3 ст. 306 УК РФ, переквалифицировал действия Тимкина с ч.3 ст. 306 УК РФ на ч.1 ст. 306 УК РФ. Тимкин обвинялся в том, что он, совершив на своей автомашине дорожно-транспортное происшествие, заведомо ложно заявил в орган внутренних дел о краже данной автомашины и ее повреждении неизвестным лицом. В своем ложном заявлении Тимкин сослался на факт обнаружения автомашины в поврежденном состоянии в другом районе г. Лысьва. В ходе предварительного следствия и судебного заседания было установлено, что Тимкин, управляя своей автомашиной, совершил на ней дорожно-транспортное происшествие, после чего, стремясь избежать привлечения к административной ответственности, совершил заведомо ложный донос, в котором указал на факт повреждения автомашины. В связи с тем, что Тимкин сослался на обстоятельства, которые действительно имели место, и дал им ложное истолкование, а не специально создал их, суд обоснованно признал Тимкина виновным по ч.1 ст. 306 УК РФ [9].

Во-вторых, искусственное создание доказательств обвинения предполагает такое изменение объектов материального мира, которое не находится в причинно-следственной

связи с реальными фактами, а направлено на подтверждение ложной информации, содержащейся в доносе, то есть связано с событием несуществующего преступления или отдельными его признаками.

В-третьих, искусственное создание доказательств обвинения предполагает изменение не собственно доказательств, а носителей доказательственной информации. Хотя под доказательством и понимаются любые сведения (то есть информация), имеющие значение для уголовного дела, тем не менее, доказательство может существовать только в определенной процессуальной форме, предусмотренной ч.2 ст. 74 УПК РФ [10,146]. Иными словами, доказательство – это единство носителя информации и процессуальной формы ее сохранения и передачи. В связи с этим предусмотренное ч.1 ст. 74 УПК РФ понятие «доказательство» использовано в ч.3 ст. 306 УК РФ не совсем верно, так как доказательства приобретают процессуальную форму путем проведения определенных строго установленных законом процессуальных действий по уголовному делу уполномоченным на то лицом. Таким образом, правильнее будет вести речь об искусственном создании носителей доказательственной информации.

По мнению В. Новикова, из перечня источников доказательств, предусмотренного ч.2 ст. 74 УПК РФ, наиболее вероятна возможность фальсификации документов или вещественных доказательств, якобы указывающих на совершение преступления [1,47]. Эта позиция представляется нам не совсем верной, ведь согласно ст. 81 УПК РФ любой предмет становится вещественным доказательством только тогда, когда он признан таковым постановлением следователя или судьи. Кроме того, позиция В. Новикова достаточно размыта и не содержит четкого указания на признаки и свойства источников доказательственной информации. На наш взгляд, при особо квалифицированном заведомо ложном доносе возможно изменение виновным любых материальных носителей доказательственной информации. Под изменением материальных носителей доказательственной информации мы понимаем создание и уничтожение объектов материального мира, модификацию и трансформацию этих объектов или отдельных их свойств, параметров, а также изменение взаимосвязей между объектами. В.В. Векленко выделил следующие формы активных физических действий, направленных на введение сотрудников правоохранительных органов в заблуждение:

- полное либо частичное изменение обстановки после совершения действительного преступления;
- инсценировка совершения невиновным преступления;
- фальсификация отдельных обстоятельств того или иного события для придания ему видимости совершенного преступления [3,46].

Не ставя под сомнение научную значимость выделения данных форм, тем не менее, отметим отсутствие единого критерия для такой классификации. На наш взгляд, большую практическую значимость имеет выделение разновидностей искусственного создания доказательств обвинения в зависимости от того, на какой именно носитель доказательственной информации воздействует виновный.

Согласно проведенного нами исследования наиболее распространенной разновидностью искусственного создания доказательств обвинения является оставление следов на теле человека, в том числе путем причинения ему телесных повреждений (более половины изученных уголовных дел). Кроме этого доказательства обвинения могут быть созданы путем изготовления подложных документов и других предметов, формирования обстановки или места якобы совершенного преступления, оставления следов на материальных объектах.

На наш взгляд, указанные формы и виды искусственного создания доказательств обвинения, как указывалось выше, охватывают изменение только материальных носителей доказательственной информации. Что же касается попыток виновного лица

воздействовать на формирование так называемых идеальных следов преступления (то есть на информацию о преступлении, содержащуюся в сознании и памяти людей), то по нашему мнению такие действия не охватываются составом ч.3 ст. 306 УК РФ. В научной литературе по данному вопросу высказаны полярные точки зрения. Большинство авторов считает, что искусственное создание доказательств обвинения включает в себя и подготовку «подставных свидетелей» любыми методами, в том числе и путем принуждения [5,186; 7,236; 8,76]. Другие авторы рассматривают «подготовку» свидетелей как организаторскую деятельность или подстрекательство свидетеля к даче заведомо ложных показаний [1,47;6,150]. По нашему мнению, последняя позиция представляется более правильной, так как в данном случае ответственность за общественно-опасные действия лжедоносчика предусмотрена специальной уголовно – правовой нормой, (например, ст. 307 УК РФ) и такие действия образуют отдельный состав преступления.

С учетом изложенного предлагаем определить *искусственное создание доказательств обвинения как активные действия, направленные на изменение любых материальных носителей доказательственной информации, которое не находится в причинно-следственной связи с реальными фактами, а направлено на подтверждение ложной информации, содержащейся в доносе, то есть связано с событием несуществующего преступления или отдельными его признаками.*

С целью совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за заведомо ложный донос считаем необходимым дополнить статью 306 УК РФ примечанием, содержащим норму – определение понятия искусственного создания доказательств обвинения. Благодаря этому уголовный закон будет содержать ясное и развернутое описание данного квалифицирующего признака заведомо ложного доноса, что, несомненно, обеспечило бы четкое и единообразное применение уголовно-правовой нормы.

Литература

1. В.Новиков – Некоторые вопросы уголовной ответственности за заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 306 УК РФ) // Уголовное право. – 2003.– №1. – С. 45– 48.
2. К.В. Цепелев. – Уголовно-правовая характеристика заведомо ложного доноса как преступления, посягающего на формирование доказательств в уголовном процессе // Российский следователь.– 2009.– № 2. – С.17– 20.
3. В.В. Векленко – Заведомо ложный донос: вопросы уголовной ответственности // Преступления против правосудия: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. Омск: Изд-во Ом. юрид. ин-та МВД России, 1996. – С.45 – 47.
4. Лобанова Л.В. Уголовная ответственность за ложную информацию и понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию: Учеб. пособие./ Л.В. Лобанова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. – 70 с.
5. Бриллиантов А.В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. – М.: Изд-во «Проспект», 2008. – 560 с.
6. Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). – Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2004. – 238 с.
7. И.В. Дворянсков – Преступления, нарушающие процессуальные условия получения доказательств // "Черные дыры" в Российском Законодательстве. Юридический журнал.– 2003.– № 3. – С. 226– 245.
8. Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. – Казань, 1975. – 160 с.
9. Архив Лысьвенского городского суда Пермского края за 2009г., дело № 1-176/09.
10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. – 6-е изд. перераб. и доп. – М.: Изд-во «Проспект», 2008. – 736 с.